

WARHAMMER

40,000

Tales of planetary destruction from the 41st millennium.
Featuring fiction from Graham McNeill, Steve Parker,
Matt Farrer and more.

PLANETKILL

Edited by Nick Kyme and Lindsey Priestley

- Макнилл Грэл
 - Эффект Гераклита
-

Максимилиан Грэм

Эффект Гераклита

Эффект Гераклита

Из сборника рассказов
"Planetkill"

Этот рассказ продолжает сюжетную линию, намеченную в "Мертвом небе, черном солнце", книге, которая на русский переведена и, вероятно, прочитана уже всеми, но он также содержит довольно большой спойлер к Storm of Iron. FYI, как говорится.

Помимо того, что описано в тексте, в квантовой физике, если мне не изменяет память, эффект Гераклита означает, что если сфокусировать внимание на процветающей системе, она преуспеет еще больше, а если на дефективной -- то она вконец разложится.

-- Переводчик

Чүговище с лоскутным лицом было прямо позади него. Он слышал, как существо пробивает себе путь сквозь буйно разросшийся лес и каждым своим гигантским шагом крушит кропотливо выведенные или растения.

Он бежал, не останавливаясь. Больше ничего не оставалось — только бежать. Он не мог сразиться со столь ужасным существом, это было выше его сил.

Магос третьего класса Эвлейт в панике неся по лесу — тому самому лесу, который совсем недавно был полон чудес и завораживающих диговин, который в буквальном смысле расцвел благодаря их стараниям. Раньше каждый проведенный здесь день нес в себе восторг новых открытий и наполнял гордостью за достигнутое; теперь же здесь, как в кошмаре, не осталось ничего, кроме страха, расчлененных тел и смерти.

Грузное тело Эвлейта не было приспособлено к таким нагрузкам: каждый вздох резкой болью отдавался в груди, в ушах шумело от пульсировавшей крови. Широкие листья и колючие ветки

преграждали путь, царапали лицо и руки. Сочный запах свежей зелени пропитал воздух, с погнутых пнями ветвей свисали лопнувшие, сочащиеся соком плоды, каждый размером с голову человека. Из-за приторного аромата смятой растительности было трудно дышать, он забивал горло и легкие, с усилием работавшие при каждом судорожном вздохе. Вконец запыхавшись, Эвейл остановился и огляделся, пытаясь сориентироваться.

Его окружали гигантские деревья со стволами толще, чем нога титана, их верхушки терялись в тумане, обычном для местной атмосферы, влажной и безветренной. Ветви клонились к земле под грузом разноцветных плодов, тут и там между деревьями стояли распылители хлоридов, похожие на серебряные статуи, которые Эвейлу доводилось видеть в парках у храмов. Их гибкие трубы находились в постоянном движении, выделяя в атмосферу четко выверенные дозы пара, насыщенного микроскопическим количеством штатла Гераклита.

У корней высокого дерева с темного цвета корой, крупные золотистые плоды которого были чудесно сладкими и питательными, гудел ярко-желтый генератор. Он был помечен номером семнадцать, из чего Эвлейт заключил, что находится к северу от территории Агентус Механикус.

Тде-то за пределами видимости слышался шум тяжелых шагов, и Эвлейт замер, пытаясь определить, откуда доносится звук. Повеяло отвратительным запахом гнилого мяса, резко контрастировавшим с привычными Эвлейту запахами леса. Он огляделся по сторонам.

И увидел это...

Отблеск солнечного света на доспехах, тусклый отсвет на латовой стали, протелькнувшее среди деревьев лицо охотника, серое, кошмарное. Хотя Эвлейт только краем глаза заметил своего преследователя, он не жалел, что не разглядел подробностей, потому что это было мертвенное лицо изуродованного танекена, лицо окровавленной жертвы

сильнейшего взрыва.

Эвлейм повернулся и побежал, понимая, что незаметно прокрасться сквозь безудержно разросшуюся чащу и генно-модифицированный подлесок не получится. Он бежал на юг, следуя за орифлеными медными кабелями, что извивались на влажной земле, как какие-то местные рептилии. Почва в лесу была покрыта едко пахнущей мутьей, и Эвлейму казалось, что все это — страшный сон, где ноги вязнут, как в трясине, и как быстро ни беги, чудовище всегда оказывается у тебя за плечом.

Лицо Эвлейма было мокро от слез, из носа текло, он бежал почти вслепую, моля Бога-Императора и всех святых, которых только мог вспомнить, защитить его от этого ужасного убийцы. Он рискнул обернуться, но никого позади себя не увидел. Потом его нога наткнулась на что-то твердое, он споткнулся и почувствовал, как мир вместе с ним летит кубышкой навстречу земле.

Падение выбило воздух из легких, а перед глазами взорвались всполохи яркого

света. В рот набилась вязкая фруктовая
пульпа, носоглотку обволакивал тяжелый
запах свежеразделанного мяса. Эвлейт
выплюнул набившиеся в рот семена и
кусочки фруктов, встряхнул головой и
встал на колени.

Он оказался на поляне, заросшей
растениями с огромными яйцеобразными
плодами. Большинство были высотой емы
но грудь и примерно такого же объема —
сочные, зрелые плоды, благодаря
удобрениям достигшие гигантских
размеров.

Неподалеку лежало обезглавленное
тело. Обрубок, оставшийся от шеи, до сих
пор истекал кровью, которую
искромсанные артерии выбрасывали на
темную, почти черную почву. В залитых
соком останках лопнувшего плода
обнаружился еще один труп, его грудная
клетка была разворочена, как будто
взорвалась изнутри. Остальные тела на
поляне демонстрировали сходные признаки
ужасной насильственной смерти:
проломленные головы, отрубленные
конечности, распоротые животы.

Онелев от страха, Эвлейм стоял, разинув рот, не в силах осознать всю жестокость и необратимость случившегося на поляне. Встав на ноги, он устретился к жилым куполам, следуя за сплетением кабелей как за путеводной нитью. Позади слышалось натужное дыхание, словно преследователь был болен чахоткой, и Эвлейм угрожал, ожидая удара, что вспорет его с такой же легкостью, как и гигантские переспелые плоды вокруг.

Но никакого удара не последовало, и Эвлейм быстрее заработал горящими от усталости ногами, скользя в густой жиже из раздавленных плодов и пропитанной кровью земли. Беспорядочно размахивая руками и всхлиывая, он не мог сдерживать катящиеся из глаз слезы, вызванные животным, совершенно неподобающим тужчине ужасом.

Наконец, сквозь слезы он заметил блеск серебряных крыш жилых куполов, видневшихся между широкими стволами высоких, подгнивавших небо деревьев, и в надежде на спасение устретился туда.

Конечно же, магос Сзалин скажет, что
делать. В исследовательском центре
Голбасто размещалась целая рота
кибернетически усиленных
техногвардейцев, и при мысли о том, что
скоро будет спасен, Эвлейт разразился
истерическим, неконтролируемым
стехом.

Выбравшись на опушку, Эвлейт
преодолел противопожарные полосы и
насыпи из пестицидов, защищающие
центр от буйной, генетически
усовершенствованной растительности
леса. После сумрачного, призрачного
подлеска сияние теплого желтого солнца
планеты ослепляло, и магос прикрыл глаза
рукой. Он спотыкался и шатался, как
пьяный, и сквозь слезы мог видеть только
общие контуры экспериментального
центра Агентус Механикус.

Он заметил движение и услышал
голоса. Утерев заплаканное лицо рукавом,
Эвлейт вскрикнул от радости, увидев
множество огромных воинов в вороненых
силовых доспехах, чьи рост и габариты
безошибочно указывали на их

принадлежность к Агентус Астартес.

Костические десантники наконец-то прибыли!

От облезления усталые ноги Эвлейма наполнились новыми силами, и он потчался к центру, торопясь укрыться от чудовищного охотника за спинами этих храбрых защитников человечества. Он потчался, как сутасшедший, но все же заметил едкий запах хитикалий, исходивший из проломов в куполах, и подогретенные всполохами огня клубы дыма, поднимавшиеся от них в ясное небо.

Земля была усеяна трупами, а кровлю куполов продыравили пули.

Очевидно, монстр пожаловал сюда не один...

Но теперь, когда здесь были Агентус Астартес, бояться нечего: никто не мог бросить вызов этим безупречным воинам, чья плоть являлась шедевром творения Императора, а генетическое совершенство несло частичку Его величия. Этот священный идеал вдохновлял всех работников Голбасто, и Эвлейм больше всего на свете хотел бы поговорить с

этим легендарным героям, рассказать
им о блестящих результатах,
достигнутых здешними учеными...

--- Там, там! --- заорал он голосом
хриплым и глухим после спринта по лесу. ---
На помощь! Оно гонится за мной. Там, в
лесу, еще один из них!

Тиганты в доспехах повернулись на
звук его голоса, мгновенно нацелив на
Эвлейма тяжелое, немыслимого калибра
оружие. Он увидел ничего не говорящую
ему смесь эмблем и расцветок брони и
расстелся, полагая, что его не поняли.

--- Нет, нет! Я магос третьего класса
Эвлейм, --- крикнул он, чувствуя, что
прилив сил, вызванный надеждой, иссякает
и ноги опять начинают дрожать. Он
стелся и тахал руками, как сумасшедший,
одновременно напуганный и удивленный
иронией ситуации: его чуть не
пристрелили его же спасители. --- Я здесь
работаю, я обслуживаю распылители в
лесу. Я...

Выбившись из сил, он замолчал и
упал на колени, потом осел на землю и
запрокинул голову к небу, напряжно борясь

за каждый неровный вздох.

Затем он услышал тяжелые шаги, и его накрыла прохладная тень, отбрасываемая высокими воинами. Эблейм прищурился, глядя против солнца, и протер опухшие от слез глаза тыльной стороной руки. Его окружили трое жестокими, словно выплавленными их холодной стали лицами, на которых остались шрамы от множества битв. У одного воина было лицо убийцы, злое и безжалостное. Его череп был выбит так, что только посередине остался неровно подстриженный прокез. Длинные черные волосы второго воина были затянуты в тугой хвост, и на фоне темной брони его лицо с резкими чертами и глубокими посаженными, прикрытыми тяжелыми веками глазами казалось особенно бледным. Половину лица третьего воина заменяла грубая аугметика, угнездившаяся в переплетении шрамов, а на месте левого глаза сверкал синий драгоценный камень. Его живой глаз светился жестоким весельем, а на коротко остриженных черных волосах виднелись пятна крови.

Воину с лицом убийцы явно не терпелось совершить недоброе, и Эвлейм, начиная понимать, наконец, истинное положение дел, задохнулся от поднимающегося из самых глубин его естества ужаса.

Никакие это не Астартес, это...

--- Так ты здесь работаешь? --- спросил воин с изуродованным лицом, присев на корточки рядом с тазосом.

Эвлейм кивнул, не в силах совладать с грожащей челюстью и органами для отправления естественных нужд, которые вдруг решили сработать. Воин протянул руку и взял его за подбородок. Даже теряя сознание от страха, Эвлейм сохранил в себе достаточно от механикума, чтобы заметить, что рука эта была сделана из блестящего серебра --- протез, подобного которому он никогда еще не видел. Холодные, гладкие пальцы двигались, казалось, без каких-либо суставных соединений.

Холодная как лед ладонь повернула его голову вправо, потом влево. Его изучали, как какой-нибудь необычный

экспонат под стеклом.

--- Аргарик, --- спросил воин с удивительной рукой, --- у Цицерина есть все, что нам нужно?

--- Он почти закончил со старшим магосом, --- ответил воин в черных доспехах, на наплечниках которых красной краской были нарисованы неровные кресты. --- Он сломал когитаторы, прежде чем мы добрались до него, но не догадался стереть информацию из собственных мозговых накопителей.

--- А что с канистрами?

--- Сервиторы уже грузят их на «Грозовую птицу».

--- Прикончи этого последнего, Хонсю, и уходим отсюда, --- предложил убийца с широкой улыбкой.

Воин по имени Хонсю посмотрел на что-то за спиной Эвлейма.

--- Еще рано, Грендель. Думаю, моему новому телохранителю стоит позволить довести начатое до конца.

Отпустив Эвлейма, воин выпрямился в полный рост. Магос с трудом заставил себя отвести взгляд от его невероятной

серебряной руки.

Позади себя он услышал визг автоматических наводчиков и, повернувшись, обнаружил, что выжигатели, которых обычно использовали для контроля занимаемой лесом площади, сейчас нацелены на одиночную фигуру, пересекавшую испепеленное ограждение центра.

Это был тот самый монстр с плоскым лицом, что убил всех коллег Эвлейта, и лагос захныкал от страха. Монстр шел неторопливо, будто на прогулке, но в его потемневших, цвета грозового облака глазах плескалась агония, словно каждый шаг причинял ему боль.

Как и большинство в этой жуткой компании, он носил доспехи Астартес цвета чистого металла с черно-желтыми шевронами. Чем ближе подходило чудовище, тем яснее Эвлейт видел, насколько правильные черты его лица искажены страданием. Кожа монстра неплотно прилегалa к черепу, как одежда с чужого плеча, кое-как натянутая на тело. Пепельное лицо перетягивали швы из

металлической нити, и магосу показалось, что он смотрит в глаза сумасшедшему, спрятавшемуся за маской из украденной плоти.

--- Нет, --- шепотом взмолился он. --- Пожалуйста, не надо. Я ведь ничего вам не сделал.

Урод с кожистым лицом склонился к нему и сказал:

--- Я живу в постоянной боли. Почему бы и тебе не попробовать?

* * *

Хонсю из Железных Воинов никогда не нравились путешествия через Эмпиреи, и не было для него худшего наказания, чем вверять свою судьбу в чужие руки и мириться с невозможностью хоть как-то повлиять на события, если что-то пойдет не так.

В стратегиуме «Поколения войны» было шумно: издали доносились монотонный грохот молотов и рокот

машин, от которых вибрировал настил
палубы.

Этот корабль, когда-то
принадлежавший бывшему повелителю
Хонсю, неопределенно долгое время был
пришвартован над Медренгардом. Решив
присвоить его себе, Хонсю и несколько
сотен верных ему воинов прошли долгий
путь от развалин Халан-Гола до
мифического места, именуемого Кривая
Башня. Бесконечная лестница Башни —
перекрученная спираль из побитого
временем черного камня — одним концом
уходила вглубь планеты, к самым дальним
кузницам Пертурabo, а другим
устреплялась ввысь, к забытым звездам,
что вращались вокруг мертвого мира
Железных Воинов.

Подъем продолжался целую вечность,
и каждый шаг был глиною одновременно в
одну удар сердца и в целую жизнь.
Устерзанная поверхность Медренгарда
удалась, оставаясь далеко внизу, и,
наконец, они взобрались к самым звездам.
Вокруг была только тьма, а в ней —
флотилия кораблей, дрейфующих в

черноте и безмолвию костоса.

Хонсю нитало не ступила
нереальность этого места,
противоречившего всем законам природы,
и он совсем не удивился, когда крутые
ступени лестницы вывели их прямо к
открытым люкам «Поколения войны».

Было время, когда этот
величественный корабль огнем обрушивал
гнев Боителя на сторонников лже-
Императора, — время, ставшее давно
забытой историей для участников тех
сражений. Его орудия снесли остатки
жизни с поверхности Иствана-Пять, а
проведенная с него орбитальная
бомбардировка помогла разрушить стены
Императорского дворца на Терре. У
благородного корабля было славное
прошлое, и во всей флоте, что молчаливо
затер вокруг вершины башни, Хонсю не
нашел бы ему равного.

Стратегиум представлял собой зал
со сводчатым потолком и стенами,
укрепленными медными балками
огромного диаметра; пространство между
ними было увешано черно-золотыми

итандартами, повидавшими немало битв. По периметру зала со свистом двигались вверх-вниз исполинские поршни, окутанные клубами шипящего пара. За жизнедеятельностью корабля следили бригады напрямую соединенных с оборудованием техников, каждый из которых был погружен в бак, наполненный насыщенными кислородом маслами. Над этими блестящими поверхностями с шипением сновали на многосуставных ногах механические создания, за которыми волочились кабели, потрескивая отзывавшиеся на соприкосновение с жидкостью. Очертаниями помещение наподобие конуса, в сужающейся части которого расположилась палубная команда более гуманного вида: подключенные ко всем основным системам, они чутко реагировали на все изменения в состоянии «Поколения войны», пока тот пробирался меж звезд в изменчивом потоке материи. На вершине конуса стояла грозоздкая фигура, облаченная в пурпурную мантию. Лучшего навигатора, чем агент Цицерин, сама природа

которого являла собой сплав механики, органики и первозданной энергии варпа, и придумать было нельзя.

--- Ну сколько еще? --- спросил Хонсю так, что его без труда услышали на другом конце стратегиума.

Цицерин развернул к нему свое массивное механизированное тело; от головы агента, значительно увеличившейся в размерах, исходило гудение, которое издавали электрические контуры и штатмы органического техновируса. Узлы рукавов потрепанной мантии извивались почерневшие, похожие на змей руки, в которых мускулы и механизмы слились воедино в подобие жидкой ртути, а пальцы превратились в тонкие механические перья. Желто-зеленые глаза Цицерина раздраженно сверкнули, воздух перед ним внезапно конденсировался в туман, и агент жестаты нарисовал в нем несколько сложных узоров. Хонсю уставился на навигационный планшет, гололитический экран которого отразил угловатые письмена агента. Как и раньше, ответ

был до безобразия неопределенным, но
этого и следовало ожидать. При переходе
через варп ничего нельзя было
прогнозировать заранее, даже если корабль
направлял такой идеальный лоцман, лучше
чувствующий предательские течения и
глубины империума, чем даже самый
извращенный патриарх Навис Нобилите.

Когда-то Цицерин был одним из
Agentus Механикус, но, попав в плен на
далеком мире под названием Тигра
Кордатус, он превратился из презренного
гибрида человека и машины в нечто
несравненно более могущественное. Вирус
Облитератора проник в равной степени
как в его аугметик, так и в
биологическую генную структуру, и, тем
самым, вывел его далеко за пределы
человеческой эволюции и известных
достижений кибернетики.

Техновирус наделил его
совершенством, но вместе с тем и
наглостью.

Собственные воспоминания Хонсю о
кампании на Тигре Кордатус были как
будто из другой жизни. С тех пор многое

изменилось, и память стерла детали той кровавой осады, сметав все в один бесконечный ураган сражений, который раздул тлевшую в нем обиду во всепоглощающий костер амбиций. Его разум терзали, как стервятники, убийственные прожекты, что вырастали из обрывков информации, добытых из разрозненных воспоминаний его нового телохранителя, и подкреплялись данными из кибернетического мозга Цицерина, по объему превосходившего многие библиотеки. В результате был выработан оптимальный курс, которым они и следовали в данный момент...

Многие на борту «Поколения войны» считали полным безумием братья за такой план сразу после кровавой битвы с Бероссом и Торатино, но Хонсю понимал, что не будет знать покоя, пока не доставит максимальное число неприятностей единственному врагу, сумевшему избежать его гнева.

--- Хочешь подстрелить лису ---
сначала целься в ее детенышей, ---
прошептал он, вновь принимаясь терпеть

цагами палубу, словно хищник в клетке. В нем боролось предвкушение и досада: что могло быть мучительнее, чем, запустив в действие столь грандиозную интригу, сидеть в ожидании, столкнувшись с рутинной вроде задержек при варп-переходе?

— От того, что ты тут расхаживаешь, быстрее двигаться мы не будем, — заметил Кагарас Грендель, стоявший чуть позади с болтером в одной руке и пропитанной маслом ветошью для полировки в другой.

— Знаю, — ответил Хонсю, — но я не могу просто ждать. Мне надо чем-нибудь заняться.

— Чем-нибудь, кроме тренировок с твоим новым телохранителем?

— Я поручил это Ваанесу, — Хонсю остановился.

— И поэтому-то ты не спускаешься на боевую палубу?

— Ну да. А что здесь такого?

— Это не он, — сказал Грендель после паузы. — Это не Вентрис. Внешне они похожи, но это не он.

— Мне это известно, — огрызнулся

Хонсю. — Не считай меня идиотом,
Грендель.

— Если ты не хочешь смотреть на
него, я ни в коей мере тебя не виню, —
заметил Грендель, проводя ветошью по
холодным граням оружия. — В конце
концов, он отпрыск единственного воина,
что сумел тебя побить.

— Вентрис меня не победил! — заорал
Хонсю, хватаясь за топор.

Кагарас Грендель, ранее служивший
врагу Хонсю, лорду Бероссу, даже не
дрогнул, когда голодное смертоносное
лезвие нацелилось на его шею.

— Как скажешь, Кузнец Войны, —
ответил он и, улыбнувшись, стволот
болтера отвел лезвие прочь так, что дуло
его оружия прошло прямо перед лицом
Хонсю. — Он не победил тебя, но и ты не
победил его. К тому же, кажется, именно
от твоей крепости камни на камне не
оставили.

Хонсю отвернулся, не желая
углублять конфронтацию и досадуя, что
Грендель так легко вывел его из себя. С
тех пор, как пал Халан-Гол на

Медренгарде, характер Хонсю приобрел взрывоопасные свойства. Малейшее пренебрежительное замечание касательно его победы над объединенными армиями Беросса и Торатино моментально провоцировало в нем приступ убийственного бешенства.

Но, как бы то ни было, Грендель был прав.

Каждый раз, глядя в лицо своего нового телохранителя (свежерожденного, как существо требовало себя называть), он видел черты того воина, что постел бросить ему вызов, нагло отвергнув предложение о сотрудничестве. Уриэль Вентрис и его спутник принадлежали Ордену Ультратаринов, но за какие преступления их изгнали на один из демонических миров в Глазе Ужаса, Хонсю не знал. Неизвестными путями оказавшись на Медренгарде, они проявили себя как крайне изобретательные противники. Они выжили в Залах Мортициев и освободили Кровавое Сердце — могущественного демона, заточенного в самом центре Халан-Гола.

--- Клянусь всеми двенадцатью печатями Губительных Сил, --- сказал Хонсю, глубоко вздохнув, --- из-за тебя я почти что жалею, что Форрикс и Кроагер погибли.

--- Кто это?

--- Капитаны, когда-то командовавшие частями великой роты Кузнеца Войны на Тигре Кордатус, --- пояснил Хонсю, а потом многозначительно добавил: --- Они умерли.

--- Ты их убил?

--- Нет, --- Хонсю отрицательно качнул головой, --- но, если бы они сами не постарались, мне бы пришлось это сделать.

--- А что с ними случилось?

--- Форрикс попробовал сразиться с титаном. Титан выиграл. --- Хонсю расстелся, чувствуя, как настроение немедленно улучшается при одном только воспоминании о плачевной кончине соперника под огнем пушек гигантской машины войны.

--- А Кроагер? Во что он ввязался?

--- Не знаю, --- признался Хонсю. --- Форрикс рассказал, что он исчез в чем-то

вроде разлома в варне, но когда мы разбирали осадные сооружения, мы нашли трүн в его блиндаже.

--- Его трүн?

Хонсю пожал плечами.

--- Возможно. Меня это не слишком интересовало. Кроагер исчез, и какая мне разница, куда? Когда эти двое погибли, армия Кузнеца Войны и его крепость стали моими.

--- Да --- пока Торатино не взорвал ее прямо у тебя под ногами, --- напомнил Грендель с ядовитой улыбкой.

--- Точно, --- Хонсю трачно улыбнулся в ответ, --- но он не справился с Кровавым Сердцем.

--- Никто не справился. Включая и тебя, --- сказал Грендель, и его обычно грубый голос зазвучал тише при упоминании о древнем демоне.

Хонсю прекрасно понимал перемену в тоне Гренделя: он сам содрогался, вспоминая, как, разгневанный побегом Вентриса, пробудил демона, наградив его пинком по рогатому черепу.

--- Никто, --- признал он. --- Даже я.

К счастью, тогда демон учуял, что плоть Хонсю когда-то на краткий миг была вместилищем для существа из варна, и не удостоил его своей ярости, обратив ее вместо этого на армию Торатино у стен крепости. Масштабы кровопролития и разрушений, учиненных демоном, не шли ни в какое сравнение со всем, что Хонсю видел раньше, и веками копившийся гнев существа был чернее, чем самая бездонная пропасть в логове Пертүрабо. Все, что вставало на пути демона, обращалось в прах, и черное солнце Медренгарда вдоволь попировало душами, отлетевшими в тот день к мертвому небу.

--- Что ж, будем надеяться, на этот раз ты все учел, --- высказал пожелание Грендель.

--- Уж будь уверен, --- пообещал Хонсю.

--- Посмотрим.

--- В один прекрасный день я убью тебя за такую наглость, и ты это знаешь.

--- Знаю, что попробуешь, --- ответил Грендель. --- А вот получится ли у тебя... В любом случае, этот день будет интересным.

Хонсю проигнорировал вызов в словах Гренделя и вместо этого спросил:

--- Так что со свежерожденным? Ты сказал, он с Ваанесом?

Грендель кивнул.

--- Так точно. Он и его неудачники занимаются с ним на боевой палубе.

--- Хорошо.

--- Ну уж нет, --- хихикнул Грендель. --- Нет в этом ничего хорошего.

* * *

Три воина с оружием наизготовку окружили фигуру, припавшую к полу в центре зала. Даже если их жертва и чувствовала свою уязвимость, то никак этого не показывала, держась спокойно и не проявляя ни малейшей тревоги по поводу готовящегося нападения. Трое атакующих носили силовые доспехи, хотя броня каждого разительно отличалась расцветкой и исправностью. Доспехи одного были грязно-серого цвета, у другого -

выцветшего белого, а третий был облачен в сверкающую черную броню. Единственной деталью, которая объединяла всех троих в некое подобие отряда, были красные кресты, нарисованные на наплечниках, но и эта эмблема была практически незаметна из-за отслаивающейся краски и царапин, полученных в боях. Хотя ни один из них не носил знаков различия, не было сомнений, что лидером в тройке был высокий воин в черных доспехах: Ардарик Ваанес, бывший десантник Гвардии Ворона. Высокий, стройный Ваанес показался бы гигантом по сравнению с простым смертным, но на фоне других Астартес выглядел слишком худощавым. Достаточно сильный, чтобыгнуть сталь и одним ударом крошитькости, он был также быстрым и обладал великолепной координацией, что делало его чем-то большим, чем просто оружием грубой силы.

Джеффар Сан, стоявший слева от него, когда-то принадлежал к Белым Консулам, хотя теперь бывшие собратья угоставливались с его стороны только самой

горькой ненависти. Тщеславные командиры лишили его всех заслуг, но неприликая воинская гордость потогнала его пережить все напасти, выпавшие ему по их воле. Гордый и высокомерный, Джеффар Сан воплощал собой идеал превосходства и сейчас стоял в положении ан-гард, держа перед собой изысканный, похожий на рапиру меч.

Справа от него — Свольярг из Волчьих Братьев, ордена, с самого начала отмеченного несчастливой судьбой. Нетерпеливо перетупываясь с ноги на ногу, в мясистых кулаках он сжимал боевой топор. Если Ваанес олицетворял мастерство быстрого и точного удара, то Свольярг был той неистовой силой, что крошится человека в мясорубке бешеных ударов сплеча.

Всем троим говодилось убивать как людей, так и ксеносов, умения всех троих были отточены в тысячах сражений под тысячами солнц, и каждый из них столкнулся в своей жизни с самыми темными кошмарами этой галактики.

И все же ни один из троих не мог

избавиться от отвращения, которое вызывала в них эта припавшая к земле фигура.

Опустившись на одно колено, свежерожденный преклонил голову, словно погрузившись в какой-то транс. В отличие от окружающих его воинов, его серая, пахнущая гнилым мясом плоть не была прикрыта доспехами, и единственной защитой ему служила кожа, пришитая к мускулам и костям.

Кулаки его были сжаты, а каждый вздох давался с таким трудом, как будто был последним.

--- Начнем, --- сказал Ваанес и выпустил из латных перчаток молниевые когти.

Издав ревущий боевой клич, Свольярд первым двинулся вперед, заноса топор над свежерожденным. Внезапно его цель сместилась, взметнувшись в прыжке и кувырком уходя от удара. Как только свежерожденный опустился на пол, Ваанес шагнул в сторону, заноса над ним когти. Потеряв равновесие после своей яростной атаки, Свольярд открылся, но противник

увернулся от него и лапкою отбил
нацеленный на него меч Джеффара Сана.

Баанес увидел брешь в обороне
свежерожденного и сделал выпад когтями,
энергетическое поле которых отключил
на время этого тренировочного спарринга.
Противник уклонился от удара и выбросил
лапую вперед, целясь в Баанеса. Бывший
воин Гвардии Ворона отступил, чтобы
избежать удара, но не сумел сделать это
достаточно быстро, и гнилая вонь,
исходившая от свежерожденного, внезапно
оказалась тошнотворно близко вместе с
рукой, подобно молоту врезавшейся в его
подбородок.

Пошатнувшись, Баанес, тем не
менее, понял, что удар был намеренно
ослаблен в самый последний момент. Он
встряхнул головой, стараясь избавиться
от воню свежерожденного и сочувствуя
Свольяргу, для неестественно обостренных
чувств которого этот запах, наверно, был
настоящей пыткой. Возможно, поэтому-то
он и дрался с таким остервенением,
надеясь таким образом побыстрее
закончить этот бой...

Волчий Брат взревел и бросился в атаку, его торпор двигался по замысловатой траектории, ища возможность зацепить свежерожденного. Ваанес ругнулся, заметив, что бешеные удары Свольярга позволили противнику вырваться из окружения. Джеффар Сан атаковал с мастерской точностью, но его выпадам мешало неистовство Свольярга.

Увернувшись от торпора, грозившего снести ему голову, свежерожденный изо всех сил ударил локтем в бок Волчьего Брата. Подобный удар, достанься он Свольяргу от любого другого врага, остался бы им почти не замеченным, но сейчас керамитовая поверхность доспеха треснула, и Волчий Брат, как подкошенный, упал на пол.

Джеффар Сан отступил, готовясь к следующей атаке, и Свольярг остался совершенно без прикрытия перед противником, который мог бы при желании с легкостью разорвать ему глотку.

Но свежерожденный не удостоился вниманием поверженного врага и

повернулся к Ваанесу, молниевые когти которого опускались, чтобы разрезать его на части. Свежерожденный попытался заблокировать удар предплечьем, но опоздал, и когти Ваанеса вспороли его грудь, вскрыв футляр из кожи и обнажая влажно блестящую мускулатуру.

Заорав от боли, он упал на колени, и Джеффар Сан, сделав выпад сзади, вогнал свой меч ему между ребер. Пронзив его насквозь, острое клинка вышло из груди в фонтане стергающей крови.

Свольярд вскочил на ноги с яростным ревом и широко замахнулся топором, намереваясь разрубить свежерожденного пополам, но Ваанес, втянув когти в латные перчатки, остановил воина резким ударом в лицо. Свольярд рухнул на полубу, его лицо превратилось в искаженную гневом маску, залитую кровью, -- Ваанес сломал ему нос.

-- Хватит! -- крикнул Ваанес. -- Все кончено.

-- Я убью тебя, -- рыкнул Свольярд, сплевывая сгусток уже свернувшейся крови. -- Ты позоришь меня прямо перед

этим его...зверенышем.

--- Ты сам себя позоришь своим гневом, --- отрезал Ваанес. --- Приведи себя в порядок, и мы начнем снова.

Свольярг наградил палубу еще одним кровавым плевком, но все-таки отошел к скамьям, стоявшим у края палубы. Глядя, как тот отстывает, Ваанес облегченно вздохнул. Без дисциплины, к которой он привык за время, проведенное в Оргене, Волчий Брат становился все более диким и непокорным и из-за своей ярости был больше помехой, чем соратником.

--- Осторожней, Ваанес, --- предупредил материализовавшийся рядом Джеффар Сан, проводя рукой по глинным светлым волосам. --- Однажды он все-таки даст волю своему бешенству.

--- Знаю, --- кисло ответил Ваанес, --- но ты же меня прикроешь?

Белый Консұл сдержанно кивнул и одним плавным движением вознал меч в ножны.

--- Я ведь поклялся в этом на твоей мертвой планете, разве не так?

Ваанес безрадостно растеялся.

— Когда-то мы все в чем-то клялись, дружище, и посмотри только, что с нами стало.

Джеффар Сан ничего не ответил, так же сдержанно поклонился и, резко развернувшись, направился к своей оружейной стойке. Когда последний из его выживших воинов ушел, Ваанес вздохнул и понурил голову.

— Ты сам восстанавливаешь против себя тех, кто следует за тобой, — произнес глухой голос у него за спиной. — Мне кажется, это не укрепит их преданность. Или я чего-то не понимаю?

— Нет, — ответил Ваанес, оборачиваясь к свежерожденному.

Мертвая кожа существа уже восстанавливала целостность, и зарастающая плоть издала грубый, причмокивающий звук. Из ран, нанесенных Ваанесом и Джеффаром, исходило тусклое желтоватое сияние, подобное последнему проблеску угасающего солнца: так энергия варна, питавшая неестественно быстрый рост этого...создания, поддерживала в нем жизнь вопреки ранам, уже давno бы

убившим обычного человека. Такие серьезные раны стали бы смертельными даже для одного из Agentus Астартес, но свежерожденный уже почти не обращал на них внимания.

--- Сейчас ты в царстве моих повелителей, --- сказала сущность, заметив, на что смотрит Ваанес. --- Здесь я могу исцеляться быстрее.

--- Ты и так быстро восстанавливаешься, --- ответил Ваанес.

--- Величие Хаоса повсюду, и с каждым днем оно усиливается.

--- Так говорят истовые последователи.

--- О чем ты? --- спросил свежерожденный с неподдельным интересом.

--- Ты как будто повторяешь то, что тебе сказали, а не говоришь, исходя из собственных суждений.

--- А разве есть разница?

--- Конечно, есть, --- сказал Ваанес, чувствуя, что его терпение недолго продержится под атаками ненасытного любопытства свежерожденного. Он

присоединился к Хонсю, чтобы обучать это существо технике боя, а не этике и знаниям о мире.

--- Расскажи.

--- Разница в том, что тебе говорят о многих вещах, но усваиваешь ты очень немногое.

Свежерожденный задумался, склонив голову набок и покусывая нижнюю губу, как ребенок, погруженный в размышления. Ваанес отвел взгляд от... от существа --- он все еще не мог воспринимать того как личность, особенно если всего несколько месяцев назад он действительно был ребенком.

Тот факт, что свежерожденный был вылитой копией человека, которого Ваанес ненавидел, только углублял ситуацию.

Последний раз Ваанес видел Уриэля Вентриса в горах Медренгарда, прямо перед тем, как этот идиот, вставший во главе стаи безумных чудовищ-людоедов, пошел штурмом на крепость Хонсю. Хотя тогда Ваанес не сомневался, что Вентрис идет навстречу верной смерти, оказалось,

что предприимчивый капитан выжил и
внес свою лепту в падение Халан-Гола.

--- Ты меня ненавидишь? --- внезапно
спросил свежерожденный.

--- Что?

--- Ты меня ненавидишь? --- повторило
существо. --- Мне так кажется.

--- Ненавижу? Да я даже не знаю, что
ты такое и как тебя следует называть.

--- У меня нет имени, --- ответил
свежерожденный. --- Я его еще не заслужил.

--- Имена не заслуживают, их
получают при рождении.

--- Я полню свое рождение.

--- Неужели?

--- Да, полню.

--- У... и на что это было похоже? ---
спросил Ваанес, проклиная себя за
любопытство.

--- Было больно.

За исключением того, что Вентрис
скортил ил, разглазольствуя о чести в
Убежище, Ваанес мало что знал о
создании существ, подобных
свежерожденному. Однако он знал
достаточно, чтобы понять: прежде, чем

началась трансформация всего его тела, свежерожденный был не более чем обычным ребенком.

Благодаря биологическому инкубатору Демонкулабы, нечестивому колдовству и бесчестной краже генетического материала, изъятых из геносемена Вентриса, свежерожденный рос не по дням, а по часам. Демоническая питательная среда внутри дьявольской матки ускорила его, а обличьем ему стала греблая кожа, срезанная с тел рабов. И хотя его организм полностью отражал строение костического десантника, разумом он был подобен младенцу.

--- Больно... --- сказал Ваанес. --- Думаю, все так и было.

--- Было? --- переспросил свежерожденный, качая головой. --- Боль нигде не ушла. Она со мной каждую минуту моей жизни.

--- Я понимаю.

--- Нет, --- возразил свежерожденный и, оскалив зубы, шагнул ближе к Ваанесу. --- Ничего ты не понимаешь. Я --- сломанное подобие человека, Аргарик Ваанес. Каждый

той вздох — боль. Каждый удар сердца — боль. Все во мне — боль. Почему я один должен так страдать? Я хочу сделать так, чтобы все вокруг испытывали такие же муки.

— И ты изрядно в этом преуспел, — признал Ваанес, глядя в исполненные ярости глаза свежерожденного и вспоминая ужасную, отнюдь не легкую смерть того мага на Голбасто.

— А что я еще могу сделать? — огрызнулся существо. — У тебя есть илтя и память, а у меня — только кошмары и украденные воспоминания, принадлежащие кому-то другому.

— Ты помнишь то же, что и Вентрис? Об этом я не знал.

— Не совсем, — ответил свежерожденный, гнев которого пошел на убыль. — Это что-то вроде обрывков полужабытых снов. В одном из них я видел планету, к которой мы направляемся.

— И ты знаешь, как она называется? — спросил заинтригованный Ваанес.

— Нет, но я знаю, что для него она многое значит. В этот мир пришло

войско, одержимое страшным голодом, но оно было повержено.

--- Это все, что тебе известно?

--- Кажется, да. Я... я знаю кое-что о нем, я чувствую в себе тот же дух, что составляет его естество, но...

--- Но -- что? -- настаивал Ваанес.

--- Но все, чему учат меня мои повелители Хаоса, требует, чтобы я отверг эти чувства. Я -- проводник воли богов, тех, что есть и пребудут в вечности, я оружие, которое может только служить. Ничего более.

--- Как и все мы, -- ответил Ваанес, подзывая Свольярга и Джеффара Сана вернуться в центр боевой палубы. -- Но это кое-что объясняет.

--- Что?

--- Почему мы каждый раз тебя побеждает. Все дело в Вентрисе. Все, что есть в нем, -- часть тебя. Все, что делает его тем, кто он есть, отпечаталось в твоей плоти, и как бы Хонсю и Грендель ни старались выбить это из тебя, у них ничего не получится.

--- Ты хочешь сказать, что я

несовершенен?

Ваанес растаялся.

— Само собой, но вот это по-детски наивное понимание добра и зла, присущее Вентрису... Оно внутри тебя, оно раздирает тебя на части. Ты дерешься честно, а тут это не принято.

Свольярг и Джеффар Сан присоединились к Ваанесу, и тот, ткнув пальцем в грудь свежерожденного, сказал:

— Мы сразимся еще раз, и теперь чтобы никаких попыток смягчить удар. Он был беззащитен перед тобой, но ты его не прикончил. Впредь не повторяй эту ошибку, понятно?

— Понятно, — проворчал свежерожденный, неприязненно глянув на Волчьего Брата.

И вновь три воина окружили свежерожденного и приготовились к бою.

— Начали, — объявил Ваанес.

Но не успел он договорить, как свежерожденный пришел в движение. Его кулак врезался в челюсть Свольярда с такой силой, что оторвал ее, вызвав поток крови впереметешку с раздробленными

костями. Раненый воин уронил топор и схватился за изуродованное лицо. Рана обильно кровоточила, и из глотки Свольярда вырвался влажный, булькающий вскрик. Свежерожденный подхватил упавший топор, развернулся на месте и вогнал его лезвие в нагрудный доспех Джеффара Сана. Керамитовая пластина поддалась, и оружие, рассекая сросшиеся ребра, проникло глубоко в грудную полость Белого Консула. Ноги Джеффара подкосились, он рухнул на колени, и гордые черты его лица исказились в гримасе ужаса, боли и удивления.

Едва Ваанес успел оценить скорость, с которой двигался свежерожденный, как тот уже помчался к нему, целясь окровавленными руками прямо в горло.

Синхронно отразив движения существа, Ваанес отклонился назад, тем самым выиграв несколько бесценных мгновений. Он развернулся, следуя траектории атаки.

Из перчаток выдвинулись когти.

Он вогнал их в живот свежерожденного и резко дернул.

Насаженный на смертоносные лезвия когтей, свежерожденный перелетел через него и рухнул на палубу бесформенной кучей.

Ваанес вскочил на ноги; Джеффар Сан с глухим звуком упал лицом вниз на палубу; свежерожденный взвыл от боли.

Как могло столько всего случиться за столь короткое время?

Освободив когти, Ваанес отступил в боевую стойку и мысленной командой активировал энергетическое поле вокруг своего оружия. Свежерожденный был настроен биться до смерти, и рисковать не стоило.

Но существо, с трудом поднимавшееся на колени, казалось, полностью утратило боевой дух. Из смертельной раны на животе струились кровь и уже знакомое маслянисто-желтое сияние, сопровождавшее процесс излечения, но свежерожденному не было до этого дела.

--- В этот раз вышло получше? --- прошипел он, с устешкой отапливая учиненные им разрушения.

--- Гораздо лучше, --- ответил Ваанес.

Имперский линкор медленно удалялся от «Поколения войны»: огромная металлическая глыба, оцетинившаяся древними орудиями, величественно следовала своим курсом, не подозревая, что прямо под ней проскользнул враг. Название корабля осталось тайной, но, заметь их хоть один наблюдатель на борту, хоть один ауспекс или истребитель, угроза стала бы более чем реальной.

Как только Цицерин провел корабль через врата, соединяющие Эмпиреи с реальным миром, они легли на изменчивый курс, кружным путем приближаясь к цели. Уклонялись от патрульных флотилий, скрывались от мониторов и следящих станций, усеявших всю систему. И вот, наконец, неподвижный белый диск планеты заполнил собой обзорный иллюминатор. Бледную поверхность покрывали уродливые пятна неестественных цветов, похожие на пигментацию на голом черепе глубокого старика. Хонсю не знал, как

называлась эта планета, да и не хотел
знать. Ее имя имело значение для
Вентриса, а остальное было не важно.

Навигационный планшет показал,
что Имперский корабль удаляется, и
Хонсю улыбнулся, чувствуя, как вместе с
уменьшающимися на экране сигнатурами
двигателей исчезает и его страх быть
обнаруженным. В стратегиуме «Поколения
войны» было тихо, как будто противник
каким-то образом услышать их
разговоры на таком расстоянии.

— Они нас не заметили! — выдохнул
Кагарас Грендель, вцепившись в край
прокладочного стола так, что побелели
костишки пальцев. — Не могу поверить...

— Это был последний, — кивнув,
сказал Хонсю. — Теперь мы внутри их
периметра патрулирования.

Грендель хищно ухмыльнулся и, все
еще не веря, покачал головой.

— Теперь нам нужно только что-то
сделать со следящими кораблями у
планеты. Стоит одному из них нас
почувать — и мы покойники.

— А для этого у нас есть проводник, —

ответил Хонсю, кивком указав в носовую часть стратегуума.

Как и всегда, агент Цицерин расположился за своей железной кафедрой. Спиной к нему на коленях стоял свежерожденный, и лапони чудовищно мутировавшего магоса обхватили его голову. Аргарик Ваанес затер чуть поодаль от кафедры. С гримасой отвращения он наблюдал, как руки Цицерина превратились в органические зонды и погрузились в затылочную область мозга свежерожденного.

В поисках информации, которая бы позволила «Поколению войны» безопасно завершить свое путешествие, биоинжендриты все глубже погружались в мозг существа, по коже которого пробежала гротескная рябь. Глазные яблоки вздрагивали под плотно сжатыми веками, губы двигались, шепча беззвучную мантру.

— Ему больно? — поинтересовался Грендель.

— Какая разница? — отвечивал Хонсю. — Вентрис бывал здесь, ему известны протоколы размещения кораблей,

а, значит, они известны и свежерожденному. Возможно, он этого и не осознает, но в нем есть все — схемы дислокации, идентификационные коды. Все это у него в голове, и нам нужна эта информация, если мы хотим подобраться достаточно близко, чтобы совершить задуманное.

— Справедливо, — признал Грендель. — Если это позволит нам выбраться отсюда невредимыми, то я только «за».

— У я. Хотя немного риска иногда не помешает.

— Иногда мне кажется, что у тебя какое-то нездоровое пристрастие к риску.

— Может, ты и прав. Полню, когда мы атаковали артиллерийскую точку в лагере Беросса, Обакс Закайо выразился примерно так же.

— Какой мудрый человек, — похвалил Грендель.

— Не очень. Он меня предал.

— И теперь он мертв?

— Естественно. Более чем, — подтвердил Хонсю. — Лучше учись на его ошибках.

--- Я быстро учусь, --- заверил Грендель, --- но если ты и дальше будешь пробовать прыгнуть выше головы, то однажды свернешь себе шею.

--- Может быть, --- Хонсю пожал плечами. --- Но не сегодня.

По центральному нефу стратегиума к ним приближался Аргарик Ваанес, чье внимание разрывалось между планетой, возникшей перед обзорным иллюминатором, и агонией свежерожденного. Хонсю и Грендель покинули взглядом подошедшего воина.

--- Утак? --- поинтересовался Хонсю.

--- Цицерин говорит, вот эта погодойдет, --- ответил Ваанес и указал на светящуюся точку на экваторе планеты. --- Она дальше всего от кораблей и расположена над самыми крупными площадями зарослями ксенофлоры.

Хонсю кивнул и встотрелся в яркую точку --- именно с нее должен был начаться его великий и ужасный план отпущения Вентрису. То, что случится на этой планете, станет наглым вызовом, перчаткой, брошенной в лицо, и такой

поборник чести, как Вентрис, просто не сможет не ответить.

Три воина внимательно наблюдали за тем, как светящийся символ превращается из маленькой яркой точки во тьме костоса во что-то угловатое и массивное. По мере того, как сокращалась дистанция, контуры объекта складывались в очертания медленно вращающейся орбитальной оборонительной платформы, хотя большинство ее пусковых отсеков были нацелены на поверхность планеты.

Платформа находилась на геостационарной орбите над экватором, а прямо под ней протянулось огромное, мерзительно пурпурного цвета пятно, закрывшее собой значительную часть охряной поверхности планеты.

--- Скажи-ка мне, --- заговорил Ваанес, отворачиваясь от изображения платформы. --- Почему ты не остался на Медренгарде после победы над Бероссом и Торатино?

--- От Халан-Гола остались только развалины.

--- Ты мог бы построить новую

крепость. Разве не этим обычно
занимаются Железные Воины?

--- Мож бы, --- согласился Хонсю. --- Но
крепости неподвижны, а когда у каждого на
планете есть армия, оснащенная для
осады, новый штурм --- только вопрос
времени. Я допустил ошибку, вообще
вернувшись на Медренгард. Надо было
двигаться дальше по галактике и
продолжать Долгую Войну.

--- Но она же была десять тысяч лет
назад, --- возразил Ваанес.

--- Это для тебя, а для Железных
Воинов это было как будто вчера.
Думаешь, ход времени способен повлиять
на что-то столь сильное, как жажда
отомстить? Когда ты живешь в месте,
где само время ничего не значит,
настоящее отделено от побед и поражений
прошлого всего одним ударом сердца. Мне
доводилось сражаться рядом с воинами,
которые осаждали Терру и шли в бой под
предводительством примархов, и мне
горько видеть, во что выродились когда-то
великие Астартес. По сравнению с тем,
чего добились те великие герои, вы --- всего

лишь слабаки.

Почувствовав, что еще немного, и гнев полностью лишит его самообладания, Хонсю заставил себя успокоиться и задумался о причинах своего неведомо откуда взявшегося воодушевления. До сражений на Медренгарде он не был такого высокого мнения о воинах, участвовавших в Ереси Хоруса, и, более того, открыто высмеивал ностальгические воспоминания, которыми предавались Форрикс и Кроагер — участники той самой кампании, о которой он знал только понаслышке.

Глубоко вздохнув, он вновь посмотрел на мерцающие контуры орбитальной платформы.

— Цицерин! Заставь-ка их побегать.

Магос извлек извивающиеся зонды из затылка свежерожденного и обернулся. Тяжело и хрипло дыша, свежерожденный обессилено сгорбился, опираясь руками о палубу.

Не удостоив Хонсю ответом, магос подключил опять изменившие форму руки к кафедре, и весь стратегиум наполнился пульсирующим гудением, а освещение

потеркло. Став одним целым с кораблем, магос направил свои таинственные силы на то, чтобы запутать врага.

--- Что он делает? --- спросил Ваанес.

--- Смотри, и увидишь, --- сказал ему Хонсю.

Какое-то время изображение на экране не менялось: орбитальная платформа все так же медленно вращалась перед ними, а «Поколение войны», незатеченный и неузнанный, дрейфовал ближе. Затем орудия и антенны платформы ожили и стали поворачиваться, нацеливаясь на некую далекую точку в космосе.

Хонсю взглянул на экран навигационного планшета, где только что появился новый мерцающий сигнал --- он отмечал как раз то место, куда теперь целились прислужники Империи.

Плоть на груди Цицерина трансформировалась в динамики громкоговорящей связи, и в стратегиуме раздались беспорядочные сообщения, заполнившие вокс-сеть платформы. Слова звучали нечетко из-за статических помех.

но паника в них читалась безошибочно.

--- ...ость один, три омега! Контакт в ячейке дельта-эпсилон-омега! Сигнатуры авгүров указывают на враждебную ксеноформу! Запрашиваем перехват. При сохранении курса контакт в течение двух часов. Всем кораблям, способным оказать содействие: просьба ответить!

--- Даже близко не похоже на наше местоположение, --- заметил Ваанес, наблюдая, как сигнал-фантом медленно пересекает экран по направлению к платформе.

--- Именно, --- подтвердил Хонсю. --- И, благодаря уловке Цицерина, как раз туда и направляются патрули. Когда они поймут, что там ничего нет, нас здесь уже давно не будет.

Отвернувшись от изображения на экране, Хонсю поднял свой болтер наизготовку.

--- Они просят помощи, --- со слехом сказал он. --- Так давайте им поможем.

Сигнал тревоги оглушительным эхом метался по голым стальным коридорам Оборонительной Платформы Ультра-9, и старший помощник Алевов, мчавшийся к посадочной палубе, чувствовал, как опухшата у него закладывает уши. Палубой эту часть платформы можно было назвать с большой натяжкой: это было простое герметичное помещение со сводчатым потолком и бронзовыми стенами, изобиловавшее трубами и стопорными колесами стыковочных устройств, благодаря которым команды могли перейти на пристыкованные корабли.

Имперские гвардейцы уже двинулись к заранее обозначенным дефиле, чтобы защищать платформу от возможного абордажа, хотя, по мнению Алевова, такие предосторожности, скорее всего, были излишни. Благодаря высокому уровню готовности, который поддерживался во флотилии с момента первого вторжения, было крайне мало шансов на то, что одиночная вражеская цель сумеет добраться до платформы.

К тому же, ил ужасно повезло, что на своем посту оказался один из следящих кораблей. С платформы его не заметили, но это легко объяснялось тем, что двигатели корабля были повернуты в сторону солнечной короны. Идентификационные коды, хоть и старые, оказались правильными, и стыковка была разрешена. Хотя войска, защищавшие платформу, были вполне компетентны, командование с благодарностью приняло предложенную помощь, посчитав, что в случае чего подкрепление не помешает.

Идиновав поворот в оборонительных заграждениях на пути к посадочной палубе, Алевов с трудом протиснулся мимо двух гвардейцев в голубой униформе, которые устанавливали пулемет с глинным стволом в перфорированной рубашке. При входе в бронзовую камеру заломило в ушах, и он решил позже послать технотроудцев проверить герметичность помещения. Над толстой взрывостойкой дверью замигал зеленый огонек, и Алевов вздохнул с облегчением.

Снаружи слышалось позвякивание

металла о металл, и он открыл люк шлюзовой камеры. Затворы люка изрыгнули застоявшийся воздух, и атмосферы из разных миров перемешались.

--- Приветствую вас на борту, --- сказал Алевов, как только люк открылся. --- Мы, наверно, зря перестраховываемся, но осторожность никогда не помешает.

--- Осторожность --- нет, --- признал Хонсю, выходя из шлюзовой камеры. --- А вот глупость --- запросто.

Подняв болтер, он выстрелил Алевову прямо в лицо.

* * *

Звук выстрела оглушительным грохотом прокатился по маленькому помещению, и обезглавленное тело ударилось о бронзовую стену шлюзового отсека. Заметив, что у выхода рядом с крупнокалиберным пулеметом с открытым ртом затерли двое солдат,

Хонсю быстро двинулся вперед. Шок и ужас парализовали солдат лишь на мгновение, но больше ему и не требовалось. Его болтер загрохотал снова, и солдат практически разорвало на части.

— За мной! — заорал он, прижимаясь спиной к стене рядом с дверью. Осторожно выглянув, сквозь визор шлема он увидел еще несколько солдат в голубой униформе, занимавших укрепленные позиции вдоль плавно изгибающегося коридора.

Хонсю перекатился на другую сторону двери и тремя выстрелами с плеча, смертоносно точными благодаря прицелу аугметического глаза, уложил трех солдат, превратив их грудные клетки в развороченное месиво. Железные Воины двинулись дальше мимо него, без лишних слов и эмоций занимая боевой порядок для обеспечения безопасного прохода в центр платформы.

Точность выстрелов порадовала Хонсю: ему понадобилось некоторое время, чтобы переучиться держать болтер левой рукой и целиться недавно пересаженным аугметическим глазом, но результаты

говорили сами за себя.

Мимо прошли Кагарас Грендель и Ардарик Ваанес, они двинулись против часовой стрелки по круговому коридору, огибавшему всю станцию, и расстреливали всех, кто попадался на пути. Мелтаган Гренделя оставлял за собой шлейф дыма, а на молниевых когтях Ваанеса потрескивали синие дуги энергии, от которых в воздухе пахло озоном.

Он учуял свежерожденного еще раньше, чем увидел — и это несмотря на доспехи, закрывавшие тело существа. Даже фильтры шлема не могли справиться с этой вонью.

— Держись рядом, — приказал Хонсю. — Убивай всех, кто не из наших.

Свежерожденный кивнул, и они двинулись дальше, ориентируясь на звук пальбы.

* * *

Оскалив зубы в безутной устешке,

Кагарас Грендель неся по коридору. Сердце бешено колотилось: слишком давно он никого не убивал, и ему не терпелось сразиться с кем-то достойным, хотя шансы встретить серьезного противника на этой жалкой платформе были крайне малы. Но Грендель не был привередливым — он был рад убить всякого, кто подвернется под руку.

Они с Ваанесом промчались по коридору, наполненному красными вспышками световой сигнализации и воем сирен. Это была настоящая симфония битвы, и для полного совершенства ей не хватало только резких звуков выстрелов и криков утирающих. Как будто в ответ на пожелания Гренделя, из-за укрепленной точки показался потрепанного вида отряд солдат, который сразу же открыли огонь. Яркие вспышки возвещали выстрелы, которые были для него так же опасны, как удар ножом для титана, и Грендель со смехом начал отстреливаться, яростным воплем оповестив о своем психопатическом развлечении всех, кто был настроен на ту же частоту vox'a.

Одному из солдат выстрелом
разворотило плечо и изрезало лицо
осколками костей. Другой с криком
бросился прочь от баррикады; однако
остальные застыли на месте, исполненные
отчаянной решимости достойно встретить
атаку Гренделя. Лазерные заряды не
причинили значительного ущерба его доспехам.
Его болтер выпустил ответную очередь, и
сразу несколько защитников платформы
упали в фонтане крови и обломков брони.

Зная, что предстоит жестокий
ближний бой, Ваанес отказался от
использования прыжкового ранца, но все
равно Грендель вынужден был признать,
что скорость, с которой передвигался его
товарищ, впечатляла. Бывший воин
Гвардии Ворона был гораздо быстрее него
и, первым добравшись до баррикады,
перепрыгнул через заграждение и
приземлился прямо среди солдат
противника. Вскочив на ноги, Ваанес
начал наносить молниевыми когтями
удары направо и налево, и сверкающая
серебристая сталь обазрила стены
потоками крови. Доспехи, мускулы, кости

— всё рассекали эти искрившиеся, обкутанные энергетическим полем лезвия, и вскоре коридор усеяли отрезанные конечности и рассеченные пополам тела.

Эхо от наполненных болью и страхом воплей было недолгим, и вскоре схватка закончилась.

Обойдя баррикаду и увидев Ваанеса, стоящего в центре кровавого озера, Трендель одобрительно кивнул и довольнорасстелялся, оглядывая невероятное количество отрезанных частей тела. Он даже приблизительно не мог сказать, скольких убил Ваанес. Потом он заметил двух солдат, затаившихся под прикрытием баррикады, — они жались друг к другу и плакали от страха, — и его веселье переросло в неприкрытую радость. Мучительная смерть товарищей оставила следы на их голубой униформе, и сейчас эти двое были не более чем лишившимися разума телами, наполненными только кровью и болью.

Трендель схватил одного из солдат за запястье и поднял высоко над полот, своей хваткой сломав ему руку.

--- Настоящее отребье, да?

Ваанес ответил не сразу. Визор его шлема был обращен к результатам резни, причиненной его смертоносными когтями, и в своей неподвижности он походил на статую.

--- Ваанес?

--- Я тебя слышал.

Пожав плечами, Грендель отбросил хнычущего гвардейца, и тот отполз подальше, прижимая к груди изуродованную руку. Грендель позволил ему удалиться на несколько метров, а потом навел на него телтаган и испепелил несчастного потоком раскаленной энергии.

Ослепительно-белая вспышка поглотила солдата, и защитные механизмы шлема Гренделя заставили его автоматическим образом на мгновение ослабеть. Затем сияние потухло, и он растаял, превратившись в дребезги, что от противника остались только ступни и обуглившийся кусок черепа.

--- Оставляю последнего тебе, --- объявил он, поворачиваясь к Ваанесу.

Сражаться рядом со свежерожденным было гораздо легче, когда на нем был шлем — так Хонсю не приходилось в самый разгар боя натывать взглядом на лицо Вентриса. Битва за внешнее кольцо орбитальной платформы была практически окончена, и оборонявшие его солдаты ничего не смогли противопоставить беспощадной ярости, с которой атаковали Железные Воины, — да и мало кто смог бы.

Хонсю наблюдал, как его телохранитель без всякой пощады расправляется с врагом. Его мастерская техника боя казалась знакомой, и через мгновение Хонсю узнал этот стиль: точные, выверенные удары, идеальное воплощение всего, чему учили Агентсы Астартес... именно так сражался бы воин из Оргена Ультратаринов.

Когда расстреливать простых смертных из болтера стало слишком скучно, Хонсю взялся за топор и теперь

прокладывал сквозь строй врагов
окатанную криками просеку. Но правде
сказать, интереснее бой от этого не стал,
но хотя бы крови стало побольше. При
каждом ударе топор рычал, обитающая в
нем демоническая сущность впитывала
души умирающих и пиновала кровью из их
разрубленных тел. Собранный страшным
лезвием жатва была обильной, но,
несмотря на невозможность победы,
солдаты в голубой униформе все равно не
отступали. Хонсю не впечатлило их
умение сражаться, но восхитило их
тупжество.

Он высвободил топор из золотого
нагрудника какого-то офицера, и оружие
выразило свое возмущение зыбким образом
мертвых глаз, проскользнувшим по гладкой
поверхности лезвия. Дрожь ярости
передалась от оружия рукам, и Хонсю
огрызнулся, усилием воли стараясь
утихомирить демона, обитавшего внутри
топора.

По всей станции какофония боя
постепенно стихала, и Хонсю знал, что
битва скоро закончится его победой. Уже

предвкусная ее сладкий вкус, он вдруг заметил какое-то беспорядочное движение в конце одного из коридоров, подобно спицам колеса соединявшего внешнее кольцо платформы с ее центром. Один солдат нес на плече короткий обрубок трубы, а другой загружал в нее оперенный снаряд.

Такое безрассудство почти заставило Хонсю застыть, но затем он понял, что взрыв подобного снаряда неизбежно вызовет декомпрессию во всем внешнем кольце платформы, и всех, кто там находится, просто вышвырнет в открытый космос.

Он попытался сдвинуться с места, но не смог: тело отказывалось слушаться, а в руках по-прежнему содрогался боевой топор, чей непокорный дух решил схлестнуться с волей своего хозяина. Хонсю в ярости уставился на собственное оружие.

--- Сейчас уж точно не время! --- сжав зубы, прорычал он, пытаясь загнать демоническую сущность обратно в тускло мерцающее лезвие.

Там, где стояли солдаты, вдруг

возникла вспышка света, сопровождавшаяся гулом и грохотом, и, хотя это было физически невозможно, Хонсю ясно увидел, как в его сторону летит остроносый снаряд.

Демон сдался и спрятался обратно в оружие, но Хонсю понял, что все равно уже слишком поздно: от снаряда ему не увернуться. Он выставил перед собой руку в отчаянной попытке защититься.

Снаряд сбил его с ног, и он почувствовал, как некая страшная паразитическая сила поднимается внутри него, как будто омерзительное, темное существо вдруг впитало в себя часть его жизненной силы. Он сильно ударился головой о стену, но все же заметил, что раскаленные стабилизаторы снаряда глубоко погрузились в покрывшееся рябью серебро его руки — той самой руки, которую он забрал у сержанта

Ультратарина.

В глубине конечности пульсировал свет — трепещущие отблески энергии, плод технологии, созданной в давно забытые времена расой столь злобещей,

что его собственные преступления по сравнению с их злодеяниями казались мелкими шалостями. На его глазах огненно-рыжий контур с шипением окружил ту часть снаряда, что осталась торчать из руки, и она с металлическим звоном упала на палубу.

Хонсю с изумлением уставился на безупречно целую поверхность протежа, но солдаты, удивленные не меньше, чем он, снова заряжали оружие, и ему пришлось отвлечься на них.

Он с трудом встал на ноги, но сразу же понял, что торопиться некуда. Свежерожденный одним прыжком настиг гвардейцев и уже расправлялся с ними. До сих пор Хонсю доводилось видеть в смертоносных движениях свежерожденного только механическую точность Астартес, хоть и приправленную патологическим удовольствием, которое осудил бы любой костический десантник. Но в этот раз его телохранитель дрался с животной свирепостью, и каждый удар, наносимый с лаконичной эффективностью, нес в себе тучительную смерть. Не было

сделано ни одного лишнего движения, ни в одну атаку не было вложено больше силы, чем необходимо, и ни одна брешь в обороне противника не осталась незамеченной. Всего через несколько секунд солдаты были мертвы, и бой закончился.

Хонсю присоединился к свежерожденному, стоявшему среди учиненного им побоища, а подоспевшие Железные Воины перекрыли связующий коридор. Подрывники, вооружившись снарядами направленного действия, прошли дальше по коридору и начали подготовку к взрыву, который снесет двери в центральную часть платформы. Еще несколько минут — и вся станция будет у них под контролем.

Чувствуя, как неприязнь к свежерожденному отступает под влиянием недавно увиденного боя, которым существо явно наслаждалось, Хонсю положил руку ему на плечо.

— Аргарик Ваанес хорошо тебя обучил, — похвалил он.

Аргарик Ваанес склонил голову в сторону последнего выжившего гвардейца. Лицо мужчины было покрыто слезами и кровью, глаза бессмысленно смотрели в пустоту, а голова тряслась. Кадарас Грендель стоял, угрожающе расправив плечи и всем своим видом выражая вызов, который он бросил соратнику.

--- Он уже мертв, --- сказал Ваанес.

--- Что?

--- Я говорю, он уже все равно что мертв. Он больше не представляет угрозы.

--- И что с того? Что это меняет? ---

Грендель шагнул вперед, затерев всего в нескольких сантиметрах от Ваанеса. ---

Не хватает духа убить человека, если только он не нацелил на тебя пушку?

--- Просто не вижу в этом смысла.

--- Смысла? --- переспросил Грендель. ---

А кто говорит о смысле? Убей его. Сейчас же.

Ваанес посмотрел в наполненные яростью глаза Гренделя; хотя лица обоих

были скрыты шлемами, керамитовая поверхность не могла сдержать вызов и враждебность. Вокруг ревел шум битвы --- судя по звукам, сражение постепенно приближалось к центру платформы, --- но Грендель не обращал на это внимание, слишком увлекшись своей провокацией и желанием узнать, наконец, чего стоит Ваанес.

--- Думаю, ты слабак, Ваанес, --- сказал он. --- Может, ты все еще на стороне имперских сил? Хонсю тоже так думает, я вижу, он тебе не доверяет.

--- И тебе тоже, --- парировал Ваанес.

--- Нет, но я и не стараюсь сделать вид, что никогда не предаю его. У нас с ним нечто вроде...взаимопонимания. --- Повернувшись, Грендель схватил выжившего гвардейца и поднял его перед Ваанесом. --- Давай же. Прикончи его, или, клянусь, я сам убью тебя.

Ваанес глубоко вздохнул, прикидывая, дойдет ли дело до схватки с Гренделем. Тот нарывался на ссору с тех самых пор, как ренегат присоединился к банде Хонсю. Мускулы напряглись, готовясь к бою, но

тут взгляда Ваанеса упал на кусочек серебристого металла, прикрепленного к форме гвардейца.

Почетный знак на воротнике.

Вокруг него униформа была запятнана кровью, но ни одна капля не попала на поверхность знака, и на темно-синем фоне ясно читалась стилизованная "U", выполненная в серебре.

Ультрамарины.

Под символом ордена стояла позолоченная цифра "IV"; осознав, что это означает, Ваанес почувствовал нарастающий гнев. Знаком награждали в честь завершения кампании, его получили те, кто сражался вместе с Четвертой Ротой Ультрамаринов. Подавшись вперед, Ваанес спросил:

— Как ты получил его?

Солдат не ответил; изо рта его вырывался только исполненный страха скулеж, затерший на одной ноге, а глаза были плотно зажмурены, как будто это могло заставить исчезнуть кошмар, в который он угодил.

— Как ты его получил? — заорал

Ваанес, хватая солдата за грудки и
вырывая его из лап Гренделя. Ответом был
только истерически бессвязный лепет, и
Ваанес в третий раз выкрикнул тот же
вопрос и занес руку для удара, слыша, как
громче зашипели искрящиеся молнии
вокруг когтей.

--- Давай... --- прошипел Грендель, и
желание убить этого несчастного,
причинить ему боль, искалечить, сделать
так, чтобы его страдания не знали
предела, завладело Ваанесом сильнее, чем
все чувства, испытанные им ранее. Совсем
рядом он услышал свистящий шепот, как
будто кто-то невидимый говорил с ним
сквозь усиливающийся треск разрядов
вокруг молниевых когтей, кто-то, чей
голос был слышен только ему.

В этом ощущении не было ничего
неприятного: безмолвное поощрение,
мягкое давление на его разум, которое
обещало открыть перед ним новые чудеса,
немыслимые удовольствия и восторг новых
впечатлений. Все это и еще массу вещей
судил бессловесный шепот, и Ваанес
интуитивно понял, что в этом-то и

заклучалась сүть сделки, которую он заключил с Хонсю на Медренгарде.

Он больше не видел ничего вокруг, кроме почетного знака Ультратаринов, казалось, серебряные и золотые символы ослеплял его своими блеском и чистотой. Образ Уриэля Вентриса возник перед глазами Ваанеса, и он закричал от мучительной ярости.

Молниеые когти рванулись вперед, пронзили грудь солдата и вышли из спины. Но на этом атака Ваанеса не прекратилась, и в тело гвардейца погрузилась вся его латная перчатка, сжатая в кулак и разрывающая на своем пути кости и внутренние органы.

Ваанес терзал тело врага до тех пор, пока шипящие когти не оставили от него только лоскуты мяса, кровавую кашу из костей и потрохов. Тогда он, наконец, отступил, тяжело дыша, и почувствовал, как в душе его наступает согласие, а тело наполняется новыми силами.

Он услышал стех Кагараса Гренделя, убийца хлопал его по плечу и что-то говорил, но Ваанес не разобрал ни слова: он

был все еще слишком погружен в те чудесные ощущения, которые только что испытал. Затем он внимательно взгляделся в следы учиненной им бойни, останки тел, так изуродованных, что они даже отдаленно не напоминали человеческие. И только тогда он, наконец, понял, насколько лживо было все, чем он жил с того момента, как его с позором изгнали из Гвардии Ворона. Никакой самообман не мог успокоить его совесть, и не было никакой нейтральной территории между лоялистом и предателем. В любом случае, в Долгой Войне эти ярлыки не значили ничего — в ней были только победители и побежденные. Это крещение смертью и кровью заставило его, наконец, осознать, чем он стал.

И Ардарик Ваанес с радостью принял это откровение.

* * *

В центральном пункте управления

оборонительной платформы Ультра-9
удушливо пахло взрывчаткой и кровью. Как
только были взорваны двери, люди внутри
поняли, что шансов на спасение нет, и
сделали все, что могли, чтобы
отключить системы и вызвать
подкрепление, но Хонсю знал, что
ближайший Имперский корабль был в
нескольких часах пути.

У разбитых приборных панелей стоял
агент Цицерин; из его биомеханической
грудной полости выдвинулся клубок
извивающихся кабелей, которые он
собирался подключить к начинке разбитых
приборов управления. Обреченный на
смерть персонал совершил
полномасштабный акт вандализма, но
Цицерин быстро восстановил ущерб и,
благодаря своим уникальным способностям,
без труда вернул к жизни выведенные из
строя системы.

--- Все готово? --- спросил Хонсю,
сгорая от нетерпения увидеть, наконец,
плоды своих трудов.

Трендель неуверенно пожал плечами,
оглядывая погнутую, продырявленную

лазерными выстрелами панель. Уцелевшие датчики в латунной оправе тизали красным, провода трещали и взрывались искрами.

--- Трудно сказать наверняка, но мы заменили боевое снаряжение ракет. Все, кроме одной, заряжены тем веществом, что мы привезли с Голбасто. Теперь дело за Цицерином.

--- А почему не все? --- спросил Ваанес, и Хонсю ответил, что голос его изменился: это была еле заметная перемена в тоне, свидетельствовавшая о том, что воину в конце концов открылась собственная сущность.

--- Эта ракета доставит мое послание Вентрису.

--- И о чем в нем говорится?

--- Дело не в словах, --- пояснил Хонсю, --- а в символизме.

--- И что же должен значить этот символ?

--- Что никто не смеет уклоняться от боя со мной и не заплатить за это.

Орудийные отсеки, обращенные к планете, выпустили залп из шестнадцати орбитальных ракет; несколькими секундами позже последовал еще один. Затем еще три, пока в арсенале платформы не остался только один снаряд. Выпущенные ракеты быстро удалялись от платформы, их светившиеся голубым двигатели проработали достаточно долго, чтобы вывести их на баллистическую траекторию к поверхности планеты.

Как хищные птицы они встретились внизу, вскоре их боевой порядок распался, и каждая ракета легла на свой курс, заложенный в нее агентом Цицеринот. Снаряды отдалялись друг от друга, пока их инверсионные следы не опутали всю планету подобно сверкающей паутине. Конусы огня вспыхнули вокруг носовых частей ракет: сработала тепловая защита при входе в атмосферу. Наземные ПРО попытались перехватить

показавшиеся в кристально чистом небе снарядами, но запуск с низкой орбиты означал, что ракеты движутся слишком быстро и расстояние для перехвата будет недостаточным.

Достигнув заданной высоты, ракеты взорвались и выбросили свой вирусный заряд в атмосферу. Огромное количество штамма Гераклита проникло в воздух в дозах, в миллиарды раз превышавших экспериментальные разработки на Толбасто. Над всей планетой прошел сильнейший дождь, и гений магоса Сзалина из Ордо Биологис был обращен во зло, изменившее как местную растительность, так и ксенофлору.

Всего несколько лет назад планета подверглась ужасному нападению, и полчища безжалостных инопланетных убийц волной прокатились по ее поверхности. Началась великая битва, сражения разворачивались в космосе, в воздухе, на суше и, наконец, в глубине органического корабля, который целую вечность странствовал между галактиками. Хотя вторжение удалось

остановить, экология планеты уже не могла оправиться от ущерба, нанесенного ей ксено-захватчиками. От полюса до полюса поверхность покрывали ужасные скопления смертоносной инопланетной растительности, и постепенно местная флора отступала под этим натиском. Чужеродные заросли уже покрывали целые континенты, и ненасытное стремление поглощать биовещества, заложенное в самой их генетической структуре, означало, что рост их никогда не остановится. Высасывая все питательные вещества из почвы, растения порождали споры, обладавшие необычайной всхожестью, и теплые воздушные потоки разносили их по новым, еще не загрязненным территориям.

Планета жила только благодаря тому, что заросли регулярно и безжалостно выжигались. Империя не могла так просто отказаться от этого метода, особенно когда на его защиту было потрачено столько сил. Сверкающие города из стали, островками возвышавшиеся в море ксенофлоры, все еще

производили боеприпасы и бронетехнику, необходимые Имперским армиям для боевых действий в этом субсекторе. Поэтому с тех пор, как вторгшиеся на планету ксеносы были разгромлены, не проходило ни дня, чтобы их растительное наследие не подвергалось обстрелу подавляющими рост снарядами, подсекающими огневые операции и обработке пестицидами. Долговременного результата эти меры не давали, но без них о выживании планеты не могло быть и речи.

Но изобретение магоса Сзалина превратило все эти усилия в ничто.

Разработанные им биотоксины были созданы на основе древнего образца, сохранившегося из исследований магоса Тераклита, и должны были стимулировать рост культур на сельскохозяйственных планетах. Магос Сзалин улучшил первоначальные результаты и создал технологию, которая позволяла в тысячу раз увеличивать производительность на таких мирах. Ужасно, но вот теперь, когда стимулирующее рост

вещество вступило в контакт с чужеродным организмом, непревзойденным по биологической продуктивности, его изобретение подверглось решающей проверке.

Ксенофлора отреагировала на штатм Гераклита всего через несколько секунд после его появления в атмосфере, бурно устремляясь в рост вверх и вширь. Подсечные котангы были моментально поглощены мутировавшими растениями, скорость обменных процессов в ядовитых зарослях небывало ускорилась, и они каждую секунду расширялись на несколько километров. Почва лишалась немыслимого количества питательных веществ, в воздух выделялось столь же невообразимое количество тепла, и температура по всей планете скакнула вверх. Гигантские спорангии высотой с печную трубу высасывали кислород из атмосферы, и защитные слои планеты таяли один за другим в ходе этого небывалого по масштабу биологического геноцида.

Это не было похоже на быструю смерть, которую даровал Экстерминатус;

это была экологическая агония, охватившая весь мир.

С планеты в илматериум устремились бесчисленные призывы о помощи, но только те из ее обитателей, кто был богат, влиятелен или достаточно предприимчив,

смогли покинуть ее поверхность на спешно снаряженных кораблях и, тем самым, избежать гибели. Но миллиарды остались и встретили свою смерть, когда несколько недель спустя атмосфера планеты проиграла битву непомерно разросшейся ксенофлоре. Космическая радиация обрушилась на ничем не защищенную поверхность планеты и уничтожила на ней все живое, тем самым совершив опустошение.

Через несколько месяцев после запуска ракет от высокого уровня радиации погибла даже инопланетная растительность, все признаки жизни на планете исчезли, и, лишившись атмосферной защиты, она оказалась во власти космического холода.

Теперь это был голый, безжизненный

каменный шар, и о том, что здесь когда-то жили люди, говорили только почерневшие, похожие на скелеты руины городов, затерявшиеся среди выжженной пустыни.

* * *

Серебристый челнок спускался на обвяхтой вакуумом поверхности планеты. Хотя теперь это был необитаемый мир, челнок сопровождала эскадрилья «Мародеров» и «Ранторов». Пилот начал заход на посадку, тормозные двигатели взревели, выдвинулись посадочные опоры, и челнок приземлился среди мертвой растительности и обгоревших стволов инопланетных деревьев. После того, как параметры окружающей среды были проверены зондом, люк открылся, и на поверхность выдвинулся тяжелый трап. Со всеми предосторожностями (ибо никто из прибывших не мог гарантировать, что пребывание на планете безопасно) первым высадился взвод техногвардейцев *Agentys*

Механикус; каждый из них был облачен в
тяжелый защитный костюм для работы в
агрессивной среде, внешним видом и
свойствами напоминавший
терминаторскую броню Agentus
Астартес.

Затем по трану спустился человек,
поверх защитной брони которого
развевались алые одеяния с черно-белым
изображением шестерни --- символа
Agentus Механикус.

Это был магос Локард, и раньше ему
уже доводилось посещать этот мир.

Быстрыми и точными жестами
Локард приказал техногвардейцам взять
пробы мертвой растительности и
скрытой под ней почвы. Из челнока
выгрузились землеройные машины и
кернователи и под руководством Локарда
приступили к сбору информации, которая
позволила бы определить причины
разразившейся здесь катастрофы.

Несмотря на обширную аугментацию
его тела, Локард сохранил в себе немало
человеческого, и судьба, постигшая этот
мир, вызывала в нем грусть. Как и многие

другие, он боролся за спасение планеты, и вторжение было остановлено в значительной степени благодаря его усилиям.

Теперь же эта победа обратилась в прах, и Локарг чувствовал, как внутри него поднимается злость.

Тот, кто сотворил такое, дорого заплатит за содеянное.

К Локаргу подошел один из техногвардейцев.

— Милорд, мы нашли это.

Локарг последовал за солдатом, пробравшись через кучи пепла, оставшиеся от растений, они, наконец, вышли к искомому месту. Хотя сейчас жизнь на планете отсутствовала, с поверхности в космос исходил постоянно повторяющийся сигнал, еле слышный, но настойчиво требующий внимания.

Покров мертвой растительности уменьшился, и Локарг заметил, что они спускаются в глубокую траншею, прорезанную в почве чем-то упавшим с небес.

— Это здесь, милорд, — сказал.

почтительно отступая, техногвардеец.

Магос увидел серебристый цилиндр длиной около десяти метров, поверхность которого покрывали вмятины. Орбитальная ракета, хотя успехи в экзоброне магоса показывали, что в ее боеголовке не было заряда. Именно отсюда и шел сигнал, и Локарг понял: кто-то хотел, чтобы они нашли этот снаряд.

Пройдя вдоль цилиндра к боевой части ракеты, он отсоединил крепления кожуха с помощью инструментов, размещенных в экзоброне, и отбросил его в сторону. Глазные имплантаты Локарга без труда различили, что скрывалось в темном нутре боеголовки. Нахмурившись, он потянулся за предметом, лежавшим внутри.

Обернувшись к техногвардейцу, он передал ему помятый и поцарапанный шлем, один из окуляров которого был разбит. Темно-синий шлем был отмечен символом, хорошо известным Локаргу.

Перевернутая омега, символ Ордена Ультратаринов Agentus Астармес.

— Я не понимаю, — сказал

техногвардеец, вертяшлем в руках.

--- Я тоже, --- ответил Локарг и направился обратно к челноку. --- По крайней мере, пока.

--- Но что тут случилось? --- спросил техногвардеец, следуя за магосом.

--- У этого мира есть название, солдат, --- резко отозвался Локарг. --- Здесь погибли граждане Империи.

--- Прошу прощения, милорд, я не хотел показаться непочтительным. Как же он назывался?

Локарг помолчал, окидывая взором изуродованную пустыню --- все, что осталось от некогда гордой планеты, выстоявшей перед угрозой тиранического вторжения.

--- Он назывался Тарсис Ультра.